

Вячеслав Добровольский

Игры нашего двора

Четверть Курицы

Эта история началась задолго до моего рождения, имела довольно обычное продолжение и совершенно неожиданный финал...

В одесском дворе с разницей в несколько лет родились мальчик и девочка. С детства дружили, вместе росли. Весь двор называл их «жених и невеста»... Война, эвакуация, возвращение, встреча, и все как раньше. И двор готовится к скорой свадьбе. Шел 1948 год...

В 1995-м я ставил спектакль во Владивостоке. Постановочный период длился около трех месяцев, многие актеры и музыкальный руководитель спектакля были моими ровесниками. И как-то само собой получилось, что мы вечерами засиживались в театре после вечерних репетиций. Постепенно сложилась компания из 6-7 человек. Темы разговоров в основном сводились к различным театральным курьезам, оговоркам на сцене, актерским розыгрышам.

Я уже не помню, какую историю тогда рассказал. Она произошла не со мной, а с моим папой в пору его работы актером в Украинском театре.

Вдруг одна из актрис, Марина (фамилии не помню), сказала: «А я тоже с Одессы». Именно «с», а не «из»! Сомневаться не приходилось, так говорят только коренные одесситы. Я продолжил диалог:

– А где жила?

– Сначала на Островидова...

– Ну-у! Еще скажи, что в доме 32!

– (Долгая пауза.) Да, в 32-м...

С детства я запомнил *свой* адрес: Островидова, 32, квартира 12-а. Значит, мы росли в одном дворе? Но я Марину, как ни пытал-

ся, не мог вспомнить. Позже она рассказала, что довольно скоро они поменялись и переехали, так как ее мама не могла пережить, что ее жениха увела какая-то пришлая. И что, в общем, Марина только родилась в нашем доме (поэтому я ее и не помнил). И как-то совершенно я не придавал значения фамилии «нареченного жениха» ее мамы – велофигурист Виля Асмус, – просто не придавал значения, хотя моего папу, Владимира, всю жизнь звали именно Виля. И в цирке он работал в группе велофигуристов...

На премьеру во Владивосток прилетела моя мама из Питера и мама Марины, к тому времени долгие годы жившая в Израиле.

Успех спектакля был ошеломляющим. Таким же оказался и банкет. Вот на нем и случилось... Из разговора с мамой:

– Ма, видишь, за тем столиком сидят наши земляки, не просто одесситы, но с нашего дома!

– Сын, я что-то их не припоминаю.

– Ой, ма, там такая история! Марина рассказывала, что у ее мамы отбила жениха какая-то, по ее словам, не наша...

– Подожди, а как звали ее жениха?

– Виля Асмус...

Мама изменилась в лице. *Такой* я ее не видел *никогда*. «Пойдем», – только и произнесла она.

Мы подошли к столику, где сидели Марина с мамой. Мама начала без предисловий, даже без «здрасьте»:

– Во-первых, Асмус – это фамилия руководителя группы, а фамилия Вили Асмуса – Биренбойм. Во-вторых, у *моего мужа* Вили Биренбойма действительно была подруга детства, которая думала, что она – его невеста. Весь двор называл ее за ее фигуру *Четверть Курицы*...

Мама не успела договорить, как женщина прошептала: «Лиди, Четверть Курицы – это я», – и потеряла сознание...

Особенно хочу отметить, что там, на банкете, они не успели познакомиться, но Зоя (так звали маму Марины) всю жизнь помнила имя *Лиди*, имя своей обидчицы, моей мамы. А не виделись они сорок пять лет!

Три дня, вплоть до нашего отъезда, мама и Зоя не расставались. Не умолкая вспоминали они обиды и радости, причем до мельчайших подробностей, говорили о нашем дворе, о нашей Одессе, о времени, которое я знал только по рассказам. Зоя принесла семейный

альбом, где почти половина была заполнена ее фотографиями, причем почти на всех вместе с папой. Я эти фотографии видел впервые, а она все говорила и говорила о детстве и юности, вспоминая с каждым днем новые подробности... Мама не оставалась в долгу и рассказывала о том, как сложилась жизнь нашей семьи. Создавалось впечатление, что они соревнуются, пытаясь доказать друг другу, с кем из них папе было (или могло стать) лучше в жизни...

Я не отходил от них все три дня и видел в их глазах и азарт молодости, и слезы горя, которое примирило и соединило их... Ведь прошло почти шесть лет со дня папиной смерти.

Друзьям – всё!

Счастливое детство! Ни компьютерных игр, ни айпода с айфоном, никаких фенечек и прибабасов, чтобы выделиться. Основные игрушки: самокат на подшипниках вместо колес, старый велик от папы или старшего брата (часто один на пятерых, даже в мыслях не было сказать «мой», катались по очереди), «маялка» (кусок чулка, набитый песком, кто больше подбросит ногой), мяч (любой), самодельное оружие разных видов и систем, от рогаток до автоматов, главное условие, чтобы сделано своими руками. У девчонок скалочки, мел, чтобы классы расчертить и коробочки от леденцов, набитые песком для тяжести, чтобы точнее в класс летели.

За покупные игрушки я специально не говорю. Это было очень индивидуально, для домашнего пользования, или когда приходили в гости. Ох, чего там только не было! Настольные футбол и хоккей, в которые играли больше отцы и деды, машинки инерционные и управляемые, оловянные солдатики и даже железная дорога!

Они никогда не видели двора, дорогие игрушки нашего детства! И тем не менее, будучи собственностью кого-то одного, они принадлежали целому одесскому двору, всем его детям. Мы толпой ходили к братьям Валере и Вове играть в солдатики, ко мне – играть в настольный футбол, к Алику и Адику (еще два брата) собирать уж совершенно удивительную автотрассу с тремя гоночными машинками!

И никакой детской зависти! Честь, хвала и добрая память нашим родителям! Они научили нас давать все друзьям, не заботясь об от-

даче. Помню Витю Слипченко. Он рос без родителей, только с бабушкой. Какие игрушки, когда одежда и обувь были неразрешимой проблемой! Витька всегда первым катался на велике, ему безоговорочно уступали очередь играть с любой игрушкой... А уж как мы уговаривали своих родителей, и – уговорили! И у Витьки на семилетний день рождения появился свой велосипед – подарок всего двора. Ох и катались мы в тот день на нем, именинник, по-моему, был единственным, кто в тот день на нем проехал всего один, первый круг... Вот я и вернулся к дворовым играм. Играли в войну, в жмурки, в сало... да разве упомнишь все детские игры полувековой давности!

Играл весь двор. И взрослые не были исключением. Например, утром в футбол играли самые мелкие (мы все были детьми двора, в детский сад не ходил никто, да и зачем? Такому соседскому присмотру могла позавидовать самая лучшая воспитательница), днем – школьники. А после работы приходили взрослые, и тут уж первым двум сменам оставалось только подавать вылетевший мяч и удивляться, почему у них мяч никогда не летел в стекла, а у нас постоянно.

Итак, взрослые играли в футбол, а «старики» (от 35 лет) – в шахматы, в карты, в домино. Мой дед прекрасно играл в них и с детства учил меня «взрослой жизни», и не без результата. Еще до школы я очень прилично считал, да и как без устного счета играть в карты, в бб или в домино, в телефон? Дед все же больше любил шахматы, вместе с мамой очень любили играть в карты, а папа и бабушка – домино.

О, домино! В него играла вся Одесса 50-х – 70-х годов, вплоть до эмиграции большинства игроков. Стоило мартовскому солнышку начать прогревать песок на пляжах, как в Аркадии начинал работу «доменный цех». Только не путайте его работников с доменщиками и сталеварами. Это совершенно другая профессия.

Из распахнутых дверей трамвая пятого маршрута, остановившегося на конечной, в Аркадии, с раннего утра выходили группы людей со странным, как сказали бы в театре, реквизитом, завернутым в обычные газеты.

Секрет раскрывали через несколько минут. Из газет извлекали складные стулья, сами газеты становились шляпами, панамами, в общем, тем, что могло уберечь головы их хозяев от солнца. Четыре человека садились крест-накрест, их колени накрывал

квадратный кусок толстой фанеры, и на него с громким стуком высыпали костяшки домино (в Одессе их называли не костяшки, а камни). Что это были за камни!

Страдивари со своими скрипками, Фаберже с... сами знаете чем должны были немедленно умереть от зависти, увидев шедевры одесских мастеров доменного цеха! Каждый камень в толщину склеивался из двух-трех обычных, чтоб было «ше взять у руку». Белые и черные переплетались, создавая неповторимый орнамент, такой же индивидуальный, как самодельные счеты из полоски картона и двух колесиков с цифрами у каждого играющего.

Они были очень здоровыми людьми, эти женщины и мужчины, одесские доменные пенсионеры. С утра до вечера с марта по октябрь без перерывов и выходных они дышали морским воздухом, не замечая его. Они открывали пляжный сезон и закрывали его, ни разу не испулавшись. Это понятно, им было некогда. Они не знали, что такое склероз и выпадение памяти, их мозг работал с постоянной нагрузкой, запоминая и просчитывая ходы за себя и партнера, и соперника... а о специфике их загара я даже не говорю, все зависело от исключительной индивидуальности играющего.

Из всей когорты легендарных игроков лучше всего помню двух братьев (по-моему, близнецов). Адриан Евтихеев, известный своей волосатостью, выглядел бы абсолютно лысым в сравнении с их торсами и спинами. Они всегда играли, как сейчас говорят, топлес. И правильно! Ведь ни солнце, ни ветер, ни дождь при самом большом желании не могли бы добраться до их кожи.

В Одессе я их видел в последний раз в конце 70-х... Многих мы видели в то время, как казалось тогда, в последний раз...

...Я встретил их на Брайтоне в 1997-м. Случайно. Сначала глазам не поверил: на пляже под шум океанского прибоя, так же прикрыв от солнца головы газетами (американскими), сидя на таких же, а может, на тех же вывезенных складных стульчиках, с такой же фанерой на коленях, азартно стуча камнями, играли против незнакомой пары два очень знакомых мне седых лысых человека...

Вы хотите сказать за несоответствие, «седых, лысых»? Абсолютно отнюдь! Когда они снимали газеты, потные лысины блестя. А грудь и спина – не лысеют!

Нью-Йорк